

НАСИЛИЕ В БОРЬБЕ ЗА ХЛЕБ (НА МАТЕРИАЛАХ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

Дан анализ государственных повинностей крестьянства губерний Центрального Черноземья, осуществляемых коммунистической властью в форме насильственного изъятия хлеба. Выяснена роль продовольственных отрядов и комитетов бедноты в хлебных реквизициях и реакция сельских жителей на применение местными властями репрессивных мер.

Ключевые слова: крестьянство, хлеб, изъятие хлеба, продовольственные отряды, комитеты бедноты, восстания, Центральное Черноземье.

Захватив власть в октябре 1917 г., партия большевиков столкнулась с задачей более сложной, эту власть удержать. Ее решение напрямую зависело от способности Советского правительства осуществить продовольственное снабжение населения городов и частей Красной Армии. Сохранение власти в условиях жесткого противостояния с противниками нового режима было возможно только при осуществлении тотального контроля над продовольственными ресурсами, и прежде всего хлебом в стране.

Вполне закономерно, что самое пристальное внимание государственное руководство уделяло губерниям Центрального Черноземья (Воронежской, Орловской, Курской и Тамбовской), производящим основную массу товарного хлеба. Это в свою очередь обусловило как масштабы и мощь властных усилий по его изъятию у крестьян, так и степень сопротивления ограблению деревни со стороны сельских тружеников региона. Стоит согласиться с утверждением В.В. Кондрашина о наличии объективных факторов, делавших неизбежным активное вмешательство большевистского государства в «деревенские дела» и крестьянское недовольство как ответную реакцию на это вмешательство [1, с. 88].

Уже с весны 1918 г. крестьянство Центрального Черноземья ощутило на себе всю тяжесть повинностей в пользу революционного государства. Объективные обстоятельства толкали власть к применению силы в борьбе за хлеб. Крестьянство же стремилось отстоять свое пра-

¹ *Безгин Владимир Борисович*, доктор исторических наук, Тамбовский государственный технический университет, vladuka62@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

во на землю, а в большей мере, свободу распоряжаться плодами своего труда. Особое недовольство со стороны крестьянства губерний Центрального Черноземья, как в прочем и страны в целом, вызвали хлебные реквизиции и действие продотрядов. В этот период происходят столкновения между крестьянами и отрядами Красной гвардии, направляемыми из губернских центров с целью учета имеющихся запасов хлеба и проведения его изъятия в пользу бедноты и городского населения. Крестьянские выступления в регионе пока еще носили локальный характер, ограничиваясь отдельными селениями.

В рамках осуществляемой хлебной монополии государственная власть потребовала от партийных и советских органов губерний региона изъять у крестьян все имеющиеся хлебные запасы, которые в официальных документах той эпохи лукаво именовались «излишками». При этом акцент делался на классовый принцип этой кампании. На практике изъятие хлебных излишков коснулось не только «зажиточных» крестьян, а больно ударило по всему крестьянству в целом. «В Моршанском уезде, — говорил, например, на съезде уездных комиссаров продовольствия В.В. Кротков, — на опыте доказано, что хлеб приходится отбирать у среднего крестьянства, а не у богатых»². Елатомский уездный комиссар продовольствия С.М. Афонин в ответ на упреки, почему нет хлеба, объяснил на заседании уисполкома 14 мая, что «хлеб не взят потому, что реквизировать хлеб у крестьян нет возможности». При попытке реквизиции «беднейшее крестьянство по своей темноте шло за кулаками» [3, с. 312].

Для достижения поставленной цели использовались все средства. Губернские и уездные власти поощряли доносительство на лиц, укрывавших хлебные запасы. Информаторам гарантировали получение половины стоимости изъятого зерна. Широко использовалась сила революционного законодательства. В директиве орловского губернского комиссара продовольствия от 5 июля 1918 г. указывалось, что «владельцы незаконных запасов будут передаваться революционному суду и подлежат наказанию 10 годами и более тюремного заключения, конфискации всего имущества и изгнанию из общества навсегда»³.

В Тамбове на заседании губпродколлегии 29 апреля 1918 г. было принято решение об организации особой Чрезвычайной комиссии, которой были предоставлены «самые широкие полномочия вплоть до применения оружия». А месяцем ранее 28 марта решением этого органа были расформированы реквизиционные отряды по причине их «полнейшего разложения», а полномочия переданы частям Красной армии [3, с. 312]. По мнению Ю.В. Мещерякова, этой мерой централи-

² Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 55. Л. 61.

³ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 16. Л. 123.

зация в деле реквизиции хлеба достигнуто не была, часть красноармейских отрядов подчинялась Тамбову, часть уездным и волостным советам, помимо этого в губернии самочинно действовали вооруженные отряды из потребляющих губерний, которые губернским властям не подчинялись [3, с. 312].

Огромного масштаба весной 1918 г. в губерниях Центрального Черноземья приобрело мешочничество. Член коллегии Наркомпрода Д.З. Мануильский, курировавший организацию продовольственной работы в Курской и Орловской губерниях, сообщал в мае 1918 г., что на Московско-Курской железной дороге мешочничество приняло размеры катастрофы, взрывающей хлебную монополию. Только в Тамбовскую губернию еженедельно прибывало до 50 тыс. мешочников [4, с. 84–85]. С целью борьбы с незаконным, спекулятивным провозом продуктов тамбовским губернским комиссаром продовольствия распоряжением от 9 июля 1918 г. на железнодорожных станциях были организованы продовольственные отряды, которым было предписано при малейшем вооруженном сопротивлении виновных уничтожать на месте⁴.

Основную ставку в борьбе за хлеб власть сделала на продовольственные отряды. Сформированные из рабочих, преимущественно большевиков, они должны были со всей революционной решительностью изъять у крестьян их хлебные запасы. По сообщению реквизиционного отряда, действующего в одном только с. Шестакове Павловского уезда Воронежской губернии, в период с 30 июня по 18 июля 1918 г. было конфисковано хлеба 15395 пуд. у местных жителей и еще 649 пуд. у кулаков и самогонщиков⁵. С наступлением страдных работ репрессии усилились. В августе 1918 г. в Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерниях действовало 27724 рабочих в составе отрядов продармии, реквизиционно-уборочных отрядов Военпробюро, отрядов, созданных на местах. Из них в Воронежской губернии было 6844 человека, Орловской – 2625, Курской – 6930, Тамбовской – 11325 [4, с. 174].

Деревня встретила продотряды враждебно. Уполномоченный Наркомпрода Д. Гольдман сообщал: «Обладателям хлеба удалось привлечь на свою сторону бедноту, и бывали случаи, когда все жители деревни по набатному звону собирались, вооружались кто, чем мог, и бывали готовы оказывать нашему отряду сопротивление»⁶. Согласно данным оперативного отдела наркомата по военным делам от 3 июля 1918 г., в с. Самодуровка Шацкого уезда Тамбовской губернии при реквизиции продовольственных запасов было произведено насилие над отрядом

⁴ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 16. Л. 330.

⁵ Там же. Л. 364.

⁶ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 128. Л. 109.

красноармейцев, причем инструктор продовольственного отряда был арестован крестьянами [5, с. 72]. По сообщению газеты «Свобода России» за 19 июня 1918 г. в с. Лысые горы Тамбовского уезда на почве отобрания у крестьян хлеба произошло столкновение с местными жителями. Отряд отобрал пуд или два муки у вдовы, которая купила ее для детей. Вдова схватила нож и зарезала отбиравшего муку красноармейца. Когда хотели арестовать эту женщину, то поднялись другие крестьяне, и произошла стычка с отрядом. Вызванным из Тамбова вспомогательным отрядом порядок был восстановлен⁷.

Губернские власти региона действовали без учета хозяйственной обстановки на местах. В донесении от 16 июня 1918 г., присланном из Болховского уезда Орловской губернии, говорилось: «Продовольственный кризис везде. Население нескольких волостей голодает. Были уже случаи голодной смерти»⁸. Из Задонского уезда Воронежской губернии 9 июля 1918 г. в губернский центр сообщали о том, что «волости буквально голодают, а реквизиционные отряды отбирают последний хлеб»⁹. Однако уже 25 июля того же года продовольственный комиссариат Воронежской губернии послал в уезды продовольственные отряды «для борьбы с мешочниками и для изъятия хлебных излишков»¹⁰.

В ходе изъятия так называемых хлебных излишков и взыскания различных чрезвычайных налогов власти на местах действовали, используя насилие. Так, в Малоархангельском уезде Орловской губернии применялся варварский способ к взысканию чрезвычайного налога: плательщики нагих выгоняли на улицу, обливали водой и морозили в сараях¹¹. Для запугивания крестьян продотряды обстреливали села из артиллерийских орудий. Ответственный агент губернского продовольственного комиссариата А.В. Акименков 22 августа 1918 г. докладывал, что «не доезжая до с. Алгасово (Моршанский уезд, Тамбовская губерния) версты полторы, поставили трехдюймовое орудие и четыре пулемета, пустили 4 снаряда и сделали несколько пулеметных выстрелов, после чего вошли в село» [2, с. 359].

Летом 1918 г. крестьянское движение вышло за рамки отдельных сел, охватило целые волости, приобрело больший размах и ожесточенность. Суть требований восставших крестьян сводился к прекращению насилия и грабительской реквизиции продовольствия и имущества.

Другой масштабной мерой вмешательства коммунистической власти в повседневную жизнь русского села стало создание комитетов

⁷ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 25. Л. 267.

⁸ Там же. Д. 16. Л. 230.

⁹ Там же. Л. 389.

¹⁰ Там же. Л. 320.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 119. Л. 40 об.

бедноты, которые, по убеждению советского руководства, должны были создать массовую опору власти в крестьянской среде. Однако лидеры большевизма явно просчитались, не учтя степень единства интересов всех слоев крестьянства. Эффективность действий комбедов в деле проведения продовольственной диктатуры оказалась в деревне крайне низкой. По данным Т.В. Осиповой, за август 1918 – январь 1919 г. комбедам Курской губернии удалось собрать лишь 2,5 млн пудов хлеба или 14,7 % от общего количества излишков, а за весь заготовительный год – 25,2 % [4, с. 212].

Документы свидетельствуют о нежелании жителей отдельных сел создавать такие организации. В письме С. Булгакова секретарю ВЦИК Аванесову от 19 апреля 1919 г. автор сообщал: «В Абакумовской волости Тамбовского уезда с образованием комбеда пошло все вверх дном. Его члены считают себя полнокровными хозяевами положения, ни перед кем не ответственны, в обращении с гражданами чрезвычайно грубы, не допускают никакого возражения на свои незаконные распоряжения. «Стали хуже, чем романовские держиморды». На сходы появляются пьяные, обязательно с револьверами, были случаи стрельбы, что пугало собравшихся крестьян. Отбирали под видом спекуляции вещи, у невест-девушек скатерти и скроенные платья, как приданое»¹². Таким образом, новые хозяева жизни покушались даже на содержание «коробьи» (приданного невесты), которое, согласно норме обычного права, являлось неприкосновенной собственностью девушки на выданье. Собственность, которую даже становые не вносили в опись при конфискации имущества семьи в целях уплаты недоимок¹³.

Следствием большевистского «похода за хлебом» стали продовольственные трудности в деревнях Центрального Черноземья осенью 1918 г., а в ряде мест и голод. Инструктор А.А. Гедимин докладывал 12 ноября 1918 г. о полном отсутствии у крестьян Липецкого уезда Тамбовской губернии всяких товаров и предметов первой необходимости [2, с. 376]. В с. Московское Воронежского уезда местное население по причине голода употребляло в пищу мало-мальски подходящее растение, подорожник, не гнушались варить суп из конины, ели сорок и ворон¹⁴.

Осенью 1918 г. только в Тамбовской губернии было собрано более 14 млн пудов хлеба, основная его масса была взята путем реквизиций [4, с. 213]. Часто за отобранный хлеб крестьяне не получали не только денег и товаров, но каких-либо квитанций. Изъятие хлеба с помощью

¹² ГАРФ. Ф. 393. Оп. 11. Д. 86. Л. 217.

¹³ Отел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 58 /II/ Карт. 12. Ед. хр. 5.

¹⁴ Народный быт. Материалы и исследования по этнографии Воронежского края. Воронеж, 1927. С. 28, 31, 36.

вооруженных продовольственных отрядов в губернии с октября приобрели массовый характер. На этой почве в начале ноября 1918 г. начались восстания крестьян в 7 из 12 уездов Тамбовской губернии. Зафиксированы крестьянские выступления в Орловской губернии. Так, в Лавровской волости местные жители обезоружили «красный отряд», а в Никольской и соседних волостях шли настоящие бои, имелись убитые и раненые с обеих сторон.

Наивысшего накала крестьянское движение в регионе достигло в октябре-ноябре 1918 г., когда тысячные толпы вооруженных повстанцев захватывали села, окружали города, вступали в ожесточенные бои с правительственными войсками. Сообщения об этих сражениях напоминали фронтовые сводки. В отдельных крестьянских выступлениях появились политические лозунги, требование «Долой Советы!», ликвидации ЧК и др. [4, с. 17].

Из содержания «Бюллетеней» ВЧК можно сделать вывод, что главным содержанием политики власти в деревне летом-осенью 1918 г. была борьба власти за хлеб, которую она вела с крестьянством, опираясь на созданные ею на местах комитеты бедноты. Документы свидетельствуют о крайней ожесточенности в действиях, как носителей власти, так и местного населения.

С весны 1919 г. начинается новый этап продовольственной диктатуры большевиков в деревне. Учитывая ошибки кампании прошлого года, губернские власти уже с весны 1919 г. попытались максимально перекрыть все возможные каналы несанкционированного вывоза хлеба. С этой целью на железнодорожных станциях были размещены заградительные отряды. Вот описание действий одного из таких отрядов, расквартированного на ст. Змеевка Орловской губернии. Сообщение, поступившее в наркомат юстиции, датировано 23 апреля 1919 г.: «В своих действиях отряд только высматривал молодых пассажиров и приступал к реквизиции, склоняя их к разврату, оставляя им продукты, если они соглашались. Тех молодых пассажиров, которые отклоняли предложение, вели в комиссариат и отбирали все, не оставляя ни одного фунта зерна. Многие члены отряда больны, хроники, распространяют заразу»¹⁵.

На местах уполномоченные из уездов чинили полнейший произвол, производя насилие над крестьянами. В сообщении от 19 февраля 1919 г. из с. Нестерово Тамбовской губернии говорилось: «Инструктор по земельным делам тов. Агушев разъезжает по деревням и под видом отобрания излишков грабит хлеб, мед, сапожный товар, угрожая револьвером. Недавно одна беременная женщина, у которой Агушев с револьвером вымогал лен, выкинула мертвого младенца»¹⁶.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 97. Л. 5.

¹⁶ Там же. Ф. 393. Оп. 12. Д. 34. Л. 16.

Из доклада инструктора ВЧК А.П. Смирнова председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому от 22 марта 1919 г. следовало, что в Усманском уезде Тамбовской губернии «на местах злоупотребления неимоверные, как то: отбирали даже обручальные золотые кольца, серебряные часы <...> за неуплату чрезвычайного налога продают постройку и последний скот» [5, с. 123].

Уголовно-следственная комиссия II участка Елецкого уезда Орловской губернии 14 мая 1919 г. сообщала, что в ее производстве находятся три дела об истязаниях при взыскании чрезвычайного налога. Одно из них о нанесении побоев палками и кулаками гражданам Сергеевской волости, крестьянину Феоктисту Волобуеву, дякону Александру Макарову и Семену Пилюгину. В качестве обвиняемых по этому делу были привлечены милиционер Мокринский, коммунисты Павлов и Иван Григорьев, состоящие на службе в конном отряде при Елецком ЧК¹⁷. Еще два дела об истязании граждан Перекопской волости священника Голиневича и крестьянина Глазунова следствием окончены не были. В тюрьме, где содержались Голиневич и Глазунов, с целью заставить уплатить налог их выводили ночью за ворота тюрьмы, якобы для расстрела. При этом соблюдались все приготовления к казни и все формальности и даже делались выстрелы в воздух¹⁸.

Из доклада инструктора Захаркина о поездке в Московскую волость Орловской губернии от 10 июня 1919 г. следовало, что «после митинга, проведенного им в с. Маслово, к нему обращались с жалобами местные жители. Все жалобы сводились к одному, что реквизиционные отряды отбирают хлебушек. Положение критическое, люди доходят до изнеможения»¹⁹. Согласно сводкам Воронежского губчека за период с 9 по 23 августа 1919 г.: крестьяне ненавидят продотряды (Землянский уезд); отношение крестьян к продовольственной политике отрицательное (Коротоякский уезд); отношение населения к продотрядам крайне враждебно (Острогожский уезд) [5, с. 185].

На произвол, чинимый коммунистической властью в деревне, крестьянство региона ответило чередой восстаний. В апреле 1919 г. в Коротоякском уезде Воронежской губернии произошли восстания на почве переучета урожая. Крестьяне убили 7 коммунистов, тела которых обезображены, у некоторых были отрезаны нос, уши, конечности [5, с. 129]. В сентябре 1919 г. на почве реквизиции продовольствия вспыхнуло крестьянское восстание в Извальской, Каменской, Воронежской волостях Орловской губернии. Число восставших насчитывало 15–20 тыс. человек [5, с. 207].

¹⁷ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 453. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 3 об.

¹⁹ Там же. Ф. 393. Оп. 13. Д. 284. Л. 204.

Последующая крестьянская война («антоновщина»), охватившая большую часть уездов Воронежской и Тамбовской губерний, стала прямым следствием практики революционного насилия по отношению к крестьянству, осуществляемого коммунистической властью в ходе реализации продовольственной диктатуры. Уроки аграрного большевизма заключаются в необходимости учета экономического положения сельских тружеников в ходе решения властью политических задач, неприемлемость применения насильственных мер по отношению к крестьянству в силу трагизма их последствий.

Литература

1. *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.
2. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы / отв. ред. В.П. Данилов. М., 2003.
3. *Мещеряков Ю.В.* Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917 – август 1918 г. Тамбов, 2012.
4. *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в годы революции и гражданской войны. М., 2001.
5. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. В 4-х т. / под ред. А. Береловича, В.П. Данилова. М., 2000. Т. 1. 1918–1922 гг.